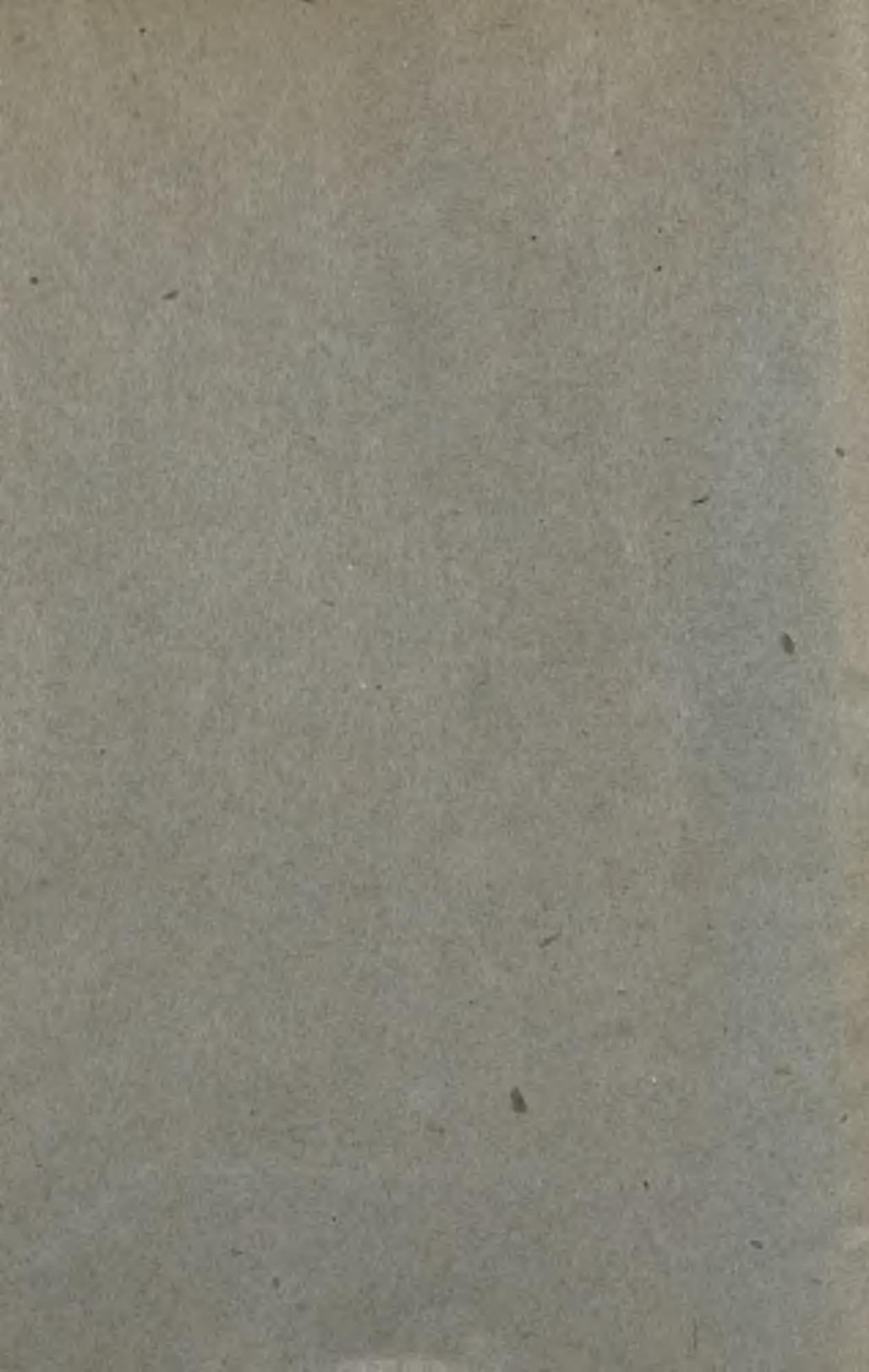

T $\frac{83}{261}$

Толстой, А

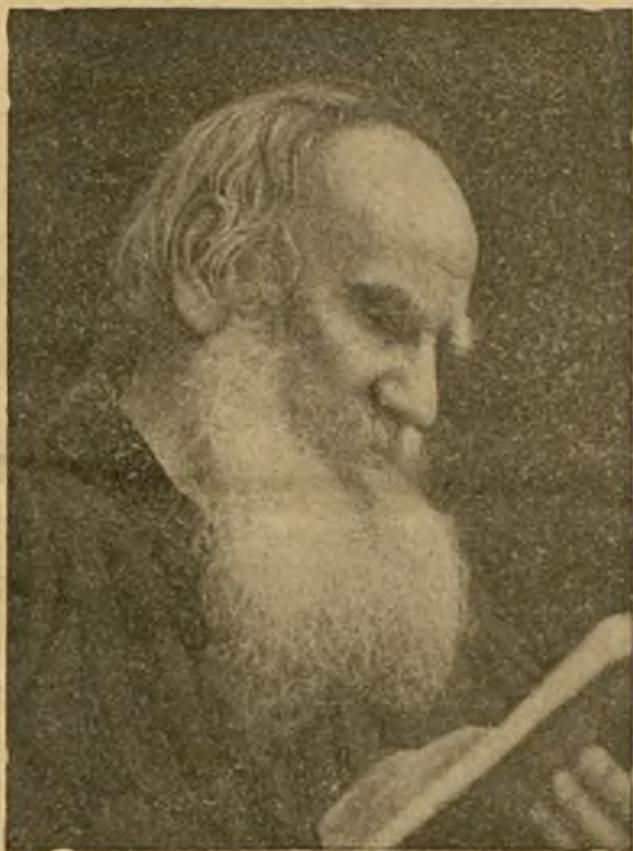

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

83
261

ПРИБЛИЖЕНІЕ КОНЦА.

Изданіе „ПОСРЕДНИКА“. № 1164.

8
13
19191

2007053799

83
261

XIX-3778

ИМПЕРАТОРСКІЙ
МОСКОВСКІЙ
МУЗЕЙ

ПРИБЛИЖЕНІЕ КОНЦА.

(По поводу письма голландца Ванъ-деръ-Вэра).

Отказы отъ военной службы въ христіанскихъ государствахъ начались съ тѣхъ поръ, какъ въ христіанскихъ государствахъ появилась военная служба, или, скорѣе, съ тѣхъ поръ, какъ государства, власть которыхъ основана на насиліи, приняли христіанство, не отказавшись отъ насилія.

Въ сущности, оно и не можетъ быть иначе: христіанинъ, ученіе котораго предписываетъ ему смиреніе, непротивленіе злу, любовь ко всѣмъ, даже къ врагамъ, не можетъ быть военнымъ, т.-е. принадлежать къ сословію людей, предназначенныхъ только для убійства себѣ подобныхъ.

И потому истинные христіане всегда отказывались и теперь отказываются отъ военной службы.

Но истинныхъ христіанъ всегда было мало; огромное большинство людей христіанскихъ государствъ только числились христіанами, исповѣдуя церковную вѣру, не имѣющую ничего общаго, кромѣ имени, съ истиннымъ христіанствомъ. То, что изрѣдка появлялся на десятки тысячъ поступа-

ющихъ въ военную службу одинъ, отказавшійся отъ нея, нисколько не смущало тѣ сотни тысячъ, милліоны людей, которые каждый годъ поступали въ военную службу.

„Не можетъ же быть, чтобы заблуждалось все огромное большинство христіанъ, поступающихъ въ военную службу, а были правы только исключенія, часто малообразованные люди, отказывающіеся отъ военной службы, тогда какъ архіепископы и ученые люди признаютъ ее совмѣстной съ христіанствомъ“, говорили себѣ люди большинства и спокойно, считая себя христіанами, поступали въ ряды убійць.

Но вотъ является человѣкъ не-христіанинъ, какъ онъ самъ заявляетъ о себѣ, и отказывается отъ военной службы не по религіознымъ, а по самымъ простымъ причинамъ, понятнымъ и общимъ всякому человѣку, какого бы онъ ни былъ исповѣданія и какой бы онъ ни былъ національности—католикъ, магометанинъ, буддистъ, конфуціанецъ, испанецъ, арабъ, японецъ...

Отказывается Ванъ-деръ-Вэръ отъ военной службы не потому, что онъ слѣдуетъ заповѣди „не убій“, и не потому, что онъ христіанинъ, а потому, что онъ считаетъ убійство противнымъ разуму человѣка. Онъ пишетъ, что просто ненавидитъ всякое убійство, и ненавидитъ его до такой степени, что сталъ вегетаріанцемъ, только бы не быть участникомъ въ убійствѣ животныхъ; главное же—онъ говоритъ, что отказывается отъ военной службы потому, что считаетъ убійство

по приказанію, т.-е. обязательство убивать тѣхъ людей, которыхъ ему велятъ убивать (въ чемъ, собственно, и состоитъ военная служба), дѣломъ несомвѣстимымъ съ достоинствомъ человѣка. На обычное же возраженіе о томъ, что если онъ не будетъ служить и по его примѣру не будутъ служить и другіе, то нарушится существующій порядокъ, онъ отвѣчаетъ тѣмъ, что онъ и не хочетъ поддерживать существующій порядокъ, потому что порядокъ этотъ дурной,—такой, въ которомъ властвуютъ богатые надъ бѣдными, а этого не должно быть, такъ что если бы у него и было какое-нибудь сомнѣніе о томъ, нужно ли или не нужно служить въ военной службѣ, одна мысль о томъ, что, служа въ военной службѣ, онъ оружіемъ и угрозой убійствъ будетъ поддерживать угнетающихъ богатыхъ противъ угнетенныхъ бѣдныхъ, заставила бы его отказаться отъ военной службы.

Если бы Ванъ-деръ-Вэръ выставлялъ причиною отказа свою принадлежность къ какому-нибудь христіанскому исповѣданію, люди, которымъ предстоитъ поступленіе въ военную службу, могли бы сказать: „я не сектантъ, не признаю христіанства и потому не считаю нужнымъ поступать такъ же“. Но причины, выставляемыя Ванъ-деръ-Вэромъ, такъ просты, ясны и такъ общи всѣмъ людямъ, что невозможно не примѣнить ихъ къ себѣ. Теперь для того, чтобы признать причины эти необязательными для себя, надо сказать: „я люблю убійство и готовъ уби-

вать не только враговъ, но и своихъ угнетенныхъ и несчастныхъ соотечественниковъ и не нахожу ничего дурного въ томъ, чтобы обѣщаться по приказанію перваго встрѣчнаго начальника убивать всѣхъ тѣхъ, кого онъ прикажетъ“.

Вѣдь дѣло очень просто.

Живетъ молодой человѣкъ; въ какой бы средѣ и семьѣ и исповѣданіи онъ ни выросъ, его учатъ тому, что надо быть добрымъ, что очень дурно не только бить и убивать человѣка, но и животное, учатъ его тому, что человѣкъ долженъ дорожить своимъ достоинствомъ, а достоинство состоитъ въ томъ, чтобы поступать сообразно своей совѣсти. Этому учатъ одинаково и китайца-конфуціанца, и японца-шинтоиста или буддиста, и турка-магометанина. И вдругъ послѣ того, какъ его научили всему этому, онъ поступаетъ въ военную службу, гдѣ отъ него требуютъ обратнаго тому, чему его учили: ему велятъ готовиться ранить и убивать не животныхъ, а людей, велятъ ему отказаться отъ своего человѣческаго достоинства и повиноваться въ дѣлѣ убійства неизвѣстнымъ и незнакомымъ ему людямъ. Что можетъ отвѣчать на такое требованіе человѣкъ нашего времени? Очевидно, только одно: „не хочу и не буду“.

Это самое сдѣлалъ Ванъ-деръ-Вэръ. И трудно придумать, что можно отвѣтить ему и всѣмъ тѣмъ людямъ, которые, находясь въ такомъ же, какъ и онъ, положеніи, должны поступать такъ же.

Можно не видать того, на что не обращено еще

вниманія, и не понимать значенія поступка, пока оно не разъяснено, но разъ указано и разъяснено, нельзя уже не видать или притворяться, что не видишь того, что совершенно ясно.

Можетъ найтись и теперь человѣкъ, который не думалъ о томъ, что онъ дѣлаеть, поступая въ военную службу; могутъ найтись и такіе люди, которые желаютъ войны съ чужими народами или желаютъ продолжать угнетать рабочихъ, или даже такіе люди, которые любятъ убійство для убійства. Такие люди могутъ еще быть военными, но и эти люди теперь не могутъ не знать, что есть люди, и самые лучшіе люди всего міра, среди не только христіанъ, но магометанъ, браминовъ, буддистовъ, конфуціанцевъ, которые съ отвращеніемъ и презрѣніемъ смотрятъ на войну и военныхъ, и что количество этихъ людей съ каждымъ часомъ увеличивается. Никакіе аргументы не могутъ разговорить ту простую истину, что человѣку, уважающему себя, нельзя итти въ рабство къ неизвѣстному или хотя бы извѣстному, но имѣющему убійственныя цѣли хозяину. А въ этомъ самомъ только и состоитъ военная служба со своей дисциплиной.

„Но отвѣтственность, которой подвергается отказывающійся?“ говорятъ мнѣ на это. „Хорошо вамъ, старику, уже не подлежащему этому испытанію и обезпеченному своимъ положеніемъ, проповѣдывать мученичество; но каково тѣмъ, которымъ вы проповѣдуете и которые, повѣривъ вамъ, отказываются и губятъ свою молодую жизнь?“—

Но что же мнѣ дѣлать? отвѣчаю я тѣмъ, которые говорятъ мнѣ это. Неужели потому, что я старикъ, мнѣ надо не указывать на то зло, которое я ясно и несомнѣнно вижу именно потому, что я старикъ и много жилъ и думалъ? Развѣ чело-вѣкъ, находящійся на другой сторонѣ рѣки и потому недоступный для разбойника, видящій, какъ этотъ разбойникъ хочетъ заставить одного чело-вѣка убить другого, не долженъ кричать уби-вающему чело-вѣку, чтобы онъ не дѣлалъ этого, хотя бы такое вмѣшательство озлобило еще боль-ше разбойника? Кромѣ того, я никакъ не вижу, почему правительство, подвергая гоненіямъ тѣхъ, которые отказываются отъ военной службы, не обратитъ свои кары на меня, признавъ меня под-стрекателемъ этихъ отказовъ. Я не настолько старъ, чтобы не могъ подвергнуться гоненіямъ и всякаго рода казнямъ, и положеніе мое вовсе не ограждаетъ меня. Во всякомъ случаѣ будутъ или не будутъ осуждать и преслѣдовать меня, будутъ или не будутъ осуждать и преслѣдовать тѣхъ, которые отказываются отъ военной службы, я, пока живъ, не перестану говорить то, что говорю, потому что не могу перестать поступать по своей совѣсти.

Тѣмъ-то и могущественно и непобѣдимо хри-стіанство, т.-е. ученіе истины, что оно, для воздѣйствія на людей, не можетъ руководство-ваться никакими внѣшними соображеніями. Молодъ или старъ чело-вѣкъ, подлежитъ онъ за это гоненіямъ или нѣтъ, чело-вѣкъ, усвоившій

себѣ христіанское, т.-е. истинное, жизнепониманіе, не можетъ отступить отъ требованій своей совѣсти. Въ этомъ сущность и особенность христіанства отъ всѣхъ другихъ религіозныхъ ученій и въ этомъ его неодолимое могущество.

Ванъ-деръ-Вэръ говоритъ, что онъ не-христіанинъ, но мотивы его отказа и поступокъ его—христіанскіе: отказывается онъ потому, что не хочетъ убивать брата; не повинуется же потому, что велѣніе его совѣсти для него обязательнѣе повелѣній людскихъ. Отъ этого-то и особенно важенъ отказъ Ванъ-деръ-Вэра. Отказъ этотъ показываетъ, что христіанство не есть какая-либо секта или исповѣданіе, котораго могутъ держаться одни люди и не держаться другіе, но что христіанство есть не что иное, какъ слѣдованіе въ жизни тому свѣту разумѣнія, который просвѣщаетъ всѣхъ людей. Значеніе христіанства не въ томъ, что оно предписывало людямъ такіе или иные поступки, а въ томъ, что предвидѣло и указывало тотъ путь, по которому должно было идти и пошло все человѣчество.

Люди, поступающіе теперь добро и разумно, поступаютъ такъ не потому, что слѣдуютъ предписаніямъ Христа, а потому, что то, что 1800 лѣтъ назадъ высказывалось какъ направленіе дѣятельности, теперь стало сознаніемъ людей.

Вотъ потому-то я и думаю, что поступокъ и письмо Ванъ-деръ-Вэра имѣютъ большое значеніе.

Какъ пущенный по степи или по лѣсу огонь до тѣхъ поръ не потухаетъ, пока не выжигаетъ

всего сухого, мертваго и потому подлежащаго горѣнію, такъ и разъ выраженная словомъ истина до тѣхъ поръ не перестанетъ дѣйствовать, пока не уничтожитъ всю ту ложь, подлежащую уничтоженію, которая со всѣхъ сторонъ окружаетъ и скрываетъ истину. Огонь долго тлѣетъ, но какъ скоро онъ вспыхнулъ, онъ сжигаетъ все сгорающее очень скоро. Также и мысль долго проситя наружу, не находя выраженія, но стоитъ ей найти ясное выраженіе въ словѣ, и ложь и зло уничтожаются очень скоро. Одно изъ частныхъ проявленій христіанства—мысль о томъ, что человѣчество можетъ жить безъ рабства, хотя и включена была въ идею христіанства, ясно была выражена, какъ мнѣ кажется, только у писателей конца XVIII столѣтія. До этого же времени не только древніе язычники—Платонъ и Аристотель, но люди близкіе къ намъ по времени и христіане не могли себѣ представить человѣческаго общества безъ рабства. Томасъ Муръ не могъ себѣ представить и Утопію безъ рабства. Точно такъ же и люди начала нынѣшняго столѣтія не могли себѣ представить жизни человѣчества безъ войны. Только послѣ наполеоновскихъ войнъ была ясно выражена мысль о томъ, что человѣчество можетъ жить безъ войны. И вотъ прошло сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ ясно была выражена мысль о томъ, что человѣчество можетъ жить безъ рабства, и среди христіанъ уже нѣтъ рабства; и не пройдетъ ста лѣтъ послѣ того, что ясно была выражена мысль о возможности чело-

вѣчеству жить безъ войны, и войны не будетъ. Очень можетъ быть, что уничтожится война не совершенно, какъ не совершенно уничтожено рабство. Очень можетъ быть, что военное насиліе еще останется, какъ остался наемный трудъ послѣ уничтоженія рабства, но во всякомъ случаѣ будутъ уничтожены война и войско въ той противной и разуму и нравственному чувству грубой формѣ, въ которой они существуютъ теперь.

Признаковъ того, что время это близко, очень много. Признаки эти въ безвыходномъ положеніи правительствъ, все увеличивающихся и увеличивающихся свои вооруженія, и все растущей тяжести податей и недовольствъ народовъ, и въ доведенной до послѣдней степени убійственности военныхъ орудій, и въ дѣятельности конгрессовъ и обществъ мира, главное же—въ отказахъ вообще отдѣльныхъ лицъ отъ военной службы. Въ этихъ отказахъ—ключъ къ разрѣшенію вопроса.

„Вы говорите, что военная служба необходима, что если бы ея не было, насъ постигли бы страшныя бѣдствія. Все это можетъ быть, но съ тѣмъ понятіемъ о добрѣ и злѣ, которое обще всѣмъ людямъ нашего времени и вамъ самимъ, я не могу убивать людей по приказанію. Такъ что если военная служба, какъ вы говорите, очень нужна, то устройте ее такъ, чтобы она не была въ такомъ противорѣчій съ моею и вашей совѣстью. Пока же вы не устроили этого, а требуете отъ меня того, что прямо противно ей, я никакъ не могу повиноваться“.

Такъ неизбежно должны отвѣтить, и въ очень скоромъ времени, всѣ честные и разумные люди не только нашего христіанскаго міра, но и магометане и такъ называемые язычники—брамины, буддисты и конфуціанцы. Можетъ-быть, по инерціи военное дѣло еще продержится нѣкоторое время, но вопросъ уже рѣшенъ въ сознаниі людей и съ каждымъ днемъ, каждымъ часомъ все большее и большее число людей приходитъ къ тому же рѣшенію, и остановить это движеніе уже нѣтъ никакой возможности.

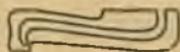
Всякое признаніе людьми какой-либо истины или скорѣе освобожденіе отъ какого-либо заблужденія, какъ это было на нашихъ глазахъ съ рабствомъ, достигается всегда борьбою между уясненіемъ сознания людей и инерціей прежняго состоянія.

Сначала инерція такъ сильна и сознаніе такъ слабо, что первая попытка освобожденія отъ заблужденія встрѣчается только удивленіемъ. Новая истина представляется безуміемъ. „Развѣ можно жить безъ рабства? Кто же будетъ работать? Развѣ можно жить безъ войны? Всякій придетъ и завоюетъ насъ“. Но сила сознания все растетъ, инерція все ослабѣваетъ и удивленіе все смѣняется насмѣшками и презрѣніемъ. „Священное писаніе признаетъ господъ и рабовъ. Такое отношеніе существовало вѣчно; и вдругъ нашлись такіе умники, которые хотятъ передѣлать весь міръ“, говорили о рабствѣ. „Всѣ ученые и мудрецы признавали законность и даже

святость войны, и вдругъ мы повѣримъ, что не нужно воевать!“ говорятъ о войнѣ. Но сознание все растетъ и уясняется; людей, признающихъ новую истину, становится все больше и больше, и насмѣшки и презрѣніе смѣняются хитростью и обманами. Люди, поддерживающіе заблужденіе, дѣлаютъ видъ, что они понимаютъ и признаютъ несообразность, жестокость той мѣры, которую они защищаютъ, но считаютъ уничтоженіе ея невозможнымъ теперь, откладывая ея уничтоженіе на неопредѣленное время. „Кто же не знаетъ, что рабство дурно; но люди еще не готовы для свободы, и освобожденіе произведетъ страшныя бѣдствія“, говорили про рабство 40 лѣтъ тому назадъ. „Кто же не знаетъ, что война есть зло?“ Но мысль дѣлаетъ свое дѣло, растетъ и сжигаетъ ложь, и наступаетъ то время, когда безуміе, безцѣльность, вредъ и безнравственность заблужденія до такой степени ясны (такъ было на нашей памяти съ рабствомъ въ 60-хъ годахъ въ Россіи и Америкѣ), что уже нельзя защищать его. Такъ это теперь въ дѣлѣ войны. Какъ тогда уже не пытались оправдывать рабство, а только поддерживали его, такъ и теперь уже не пытаются оправдывать войну и войско, а только отмалчиваются, пользуясь той инерціей, которая еще поддерживаетъ войну и войско, зная очень хорошо, что вся эта, кажущаяся столь могущественной, жестокая и безнравственная организація убійства всякую минуту можетъ рухнуть съ тѣмъ, чтобы никогда уже не возобновляться. Но стоитъ

просочиться сквозь плотину одной каплѣ воды, или изъ огромнаго зданія вывалиться одному кирпичу, или изъ самой твердой сѣти распу- ститься одной петлѣ—и прорывается плотина, заваливается зданіе, распускается сѣть. Такой каплей, такимъ камнемъ, такой распушенной пет- лей представляется мнѣ отказъ Ванъ-деръ-Вѣра, мотивированный причинами общими всему чело- вѣчеству. За отказомъ Ванъ-деръ-Вѣра должны послѣдовать все чаще и чаще такіе же отказы, а какъ только такихъ отказовъ будетъ много, такъ тотчасъ же тѣ самые люди, которые вчера еще говорили (а имя имъ легионъ), что безъ войны нельзя жить, скажутъ, что они уже давно проповѣдуютъ безуміе и безнравственность войны, совѣтуютъ вамъ поступать такъ, какъ поступилъ Ванъ-деръ-Вѣръ, и отъ войны и войска въ томъ видѣ, въ которомъ они существуютъ теперь, оста- нется одно воспоминаніе.

И время это близко.

Ясная Поляна.

24 сентября 1896 г.

Книги Л. Н. ТОЛСТОГО,

изданныя „ПОСРЕДНИКОМЪ“.

Кругъ чтенія. Избранные, собранные и расположенные на каждый день **Львомъ Толстымъ** мысли, рассказы и статьи многихъ писателей объ истинѣ, жизни и поведеніи. „Кругъ чтенія“ заключаетъ въ себѣ 52 недѣльныхъ чтенія, содержащихъ въ себѣ рассказы и статьи русскихъ и иностранныхъ беллетристовъ и мыслителей, въ томъ числѣ нѣсколько рассказовъ Л. Толстого. Томъ I. Ц. 1 р. 50 к. Томъ II. въ 2 выпуск. Ц. каждаго 80 к. Оба тома вмѣстѣ 3 р. 10 к.

Къ вопросу о свободѣ воли. Ц. 4 к.

Любите другъ друга. Ц. 7 к.

Любовь. Ц. 3 к.

Мысли о Богѣ. Ц. 1¼ к.

Мысли мудрыхъ людей на каждый день. Ц. 35 к.

Недѣланіе. Ц. 5 к.

Неужели такъ надо? Ц. 2 к.

О безсмертіи. Мысли разныхъ писателей. Ц. 3 к.

О добрѣ и добротѣ. Мысли разныхъ писателей. Ц. 3 к.

О жизни. О новомъ жизнепониманіи. Мысли разныхъ писателей. Ц. 40 к.

Объ истинной любви. Мысли разныхъ писателей. Ц. 2 к.

О половомъ вопросѣ. Ц. 15 к.

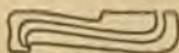
О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ. Ц. 4 к.

О самосовершенствованіи. О сознаніи духовнаго начала.

Мысли разныхъ писателей. Ц. 3 к.

О смерти. Ц. 2 к.

Первая ступень. Ц. 3 к.

Книги Л. Н. ТОЛСТОГО,

изданныя „ПОСРЕДНИКОМЪ“.

Путь жизни. Въ одномъ томѣ и съ предисловіемъ И. Горбунова-Посадова о томъ, какъ Левъ Николаевичъ составлялъ „Путь жизни“. Ц. 1 р. 20 к.

Афоризмы и избранныя мысли Л. Н. Толстого, собранныя Л. Никифоровымъ. Ц. 25 к.

Бесѣда досужихъ людей. Ц. 1¹/₄ к.

Благо любви (обращеніе къ людямъ-братьямъ) Ц. 3 к.

Богъ. Избранныя мысли. Ц. 10 к.

Будда. Ц. 2 к.

Вѣрьте себѣ! Ц. 5 к.

Въ чемъ счастье? Ц. 4 к.

Голодь. Сборникъ статей. Ц. 15 к.

Для души. Изреченія мыслителей разныхъ странъ и разныхъ вѣковъ. Ц. 1 к., на лучш. бум. 2 к.

Для совѣсти. Изреченія мыслителей разныхъ странъ и разныхъ вѣковъ. Ц. 1 к., на лучш. бум. 3 к.

Для чего люди одурманиваются. Ц. 1¹/₄ к., на лучш. бум. 3 к.

Для чего мы живемъ? (О смыслѣ жизни). Собр. В. Чертковъ. Ц. 10 к.

Единая заповѣдь. Ц. 12 к.

Зеленая палочка. (Большой форматъ). Ц. 4 к.

Исповѣдь. Изд. 3-е. Ц. 30 к.

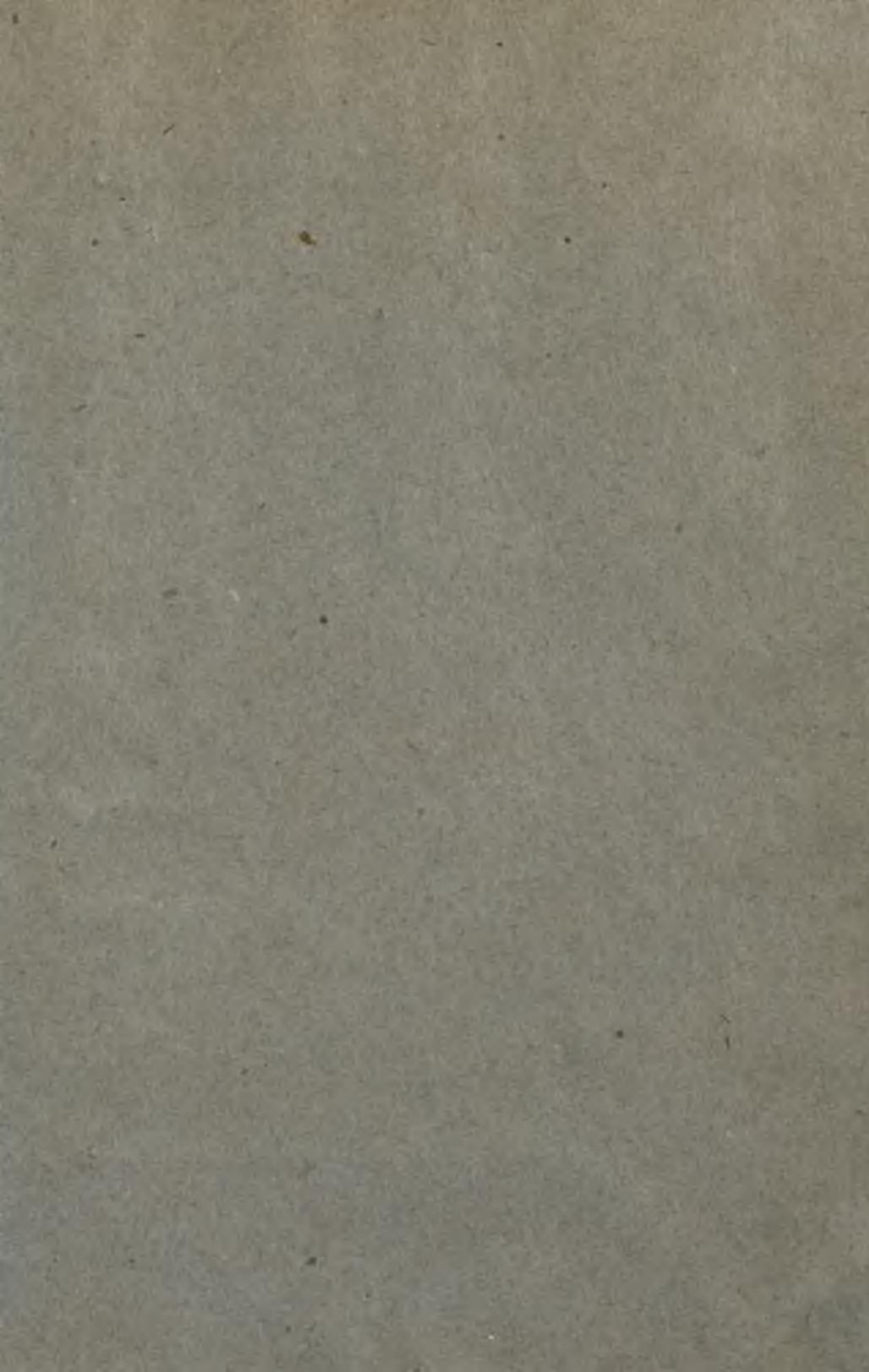
Краткое изложеніе Евангелія. Ц. 1 р.

Не убій никого. Ц. 10 к.

Всѣ изданія „Посредника“ продаются: 1) въ книжномъ магазинѣ „Посредникъ“: Москва, Петровскія линіи, 2) въ отдѣленіи склада „Посредникъ“: Петроградъ, Невскій, 84, кв. 89, и во всѣхъ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Выписывать изъ главнаго склада издательства „Посредникъ“: Москва, Арбатъ, 36. И. И. Горбунову.

Цѣна 10 коп.

1111
85

2007053799